

СЕЦЕССИОНИЗМ В ЕВРОПЕ: ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК В ОПАСНОСТИ

Михаил Минаков

Институт Кеннана, Международный научный центр им. В. Вильсона и университет Базеля

ORCID: 0000-0002-0619-7321

Гвендолин Зассе

Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) и Оксфордский университет

ORCID: 0000-0001-6254-3949

Дарья Исаченко

Европейский университет Виадрины

Несмотря на значительное развитие международных и глобальных институтов, современное государство остается основным способом легитимной политической организации и эксклюзивным локусом политической власти. Современные государства прошли долгий путь институализации, вехами которого были Вестфальский мир, эпоха мировых империй, Конвенция о правах и обязанностях государств (подписанная в Монтевидео), деколонизация, Хельсинский договор и глобализация. Вопреки столь долгой истории, современное государство так и не смогло полностью гарантировать исполнение своих обещаний порядка и безопасности, а его территориальная целостность и суверенитет нередко оспариваются. Такое оспаривание происходит не только извне, но и изнутри. Внутренними конкурентами государству выступают группы, считающие себя исключенными из политической коммуникации и претендующие на собственную государственность и международное признание. Такие претензии на государственность могут привести к конфликтам, а затем — к долговременным «замороженным конфликтам», в то время как местные *de facto* власти реализуют свой проект государственного строительства без международного признания и при непрекращающихся мирных переговорах.

Современная Европа превратилась в сложный и противоречивый комплекс государств, сосуществующих в рамках неустойчивого международного порядка. В последнее тридцатилетие политическая география европейского континента сформировалась двумя параллельными и противоречащими друг другу процессами. С одной стороны, в западной части Европы проходила глубокая, мирная и всеобъемлющая интеграция, приведшая к созданию политического объединения — Европейского Союза и к новому балансу полномочий между ЕС, национальными

правительствами и местными властями. (Как показывают кейсы Брекзита, референдума в Шотландии и сепаратизма в Каталонии, европейская интеграция не решила все проблемы в отношениях национальных и местных властей, однако в процессе евроинтеграции были созданы публично-правовые и политические условия для мирного решения подобных споров).

С другой стороны, на востоке Европы европейские государства пережили волну дезинтеграции комплексных государств и региональных союзов, среди которых — Югославия, Чехословакия и СССР. В бывшем Восточном блоке, распад старых политических институтов и институций сопровождался распространением национализма и консерватизма, приведших к созданию новых независимых признанных государств. Эта же волна запустила немало ирредентистских и сецессионистских движений, часть которых привела к созданию и ряда непризнанных государств. Так, к примеру, распад СССР привел к возникновению пятнадцати признанных государств и четырех непризнанных (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия и Приднестровье) политий. В начале 1990-х гг. возникла стабильная политическая сеть, чьи элементы (политические образования, претендующие на признание своего суверенитета) были вовлечены в «замороженные конфликты» со своими родительскими государствами (Азербайджан, Грузия и Молдова). У таких образований был свой специфический тип «легитимности» и своя политическая экономия, системно связанные со спонсорскими государствами (Россия и Армения).

Хотя непризнанные государственные образования долгое время и считались проблемой безопасности на Кавказе и Балканах, а также в Восточной Европе и Средиземноморском регионе, эту проблему так и не решили, а сами гособразования стали источником сецессионистских практик и идеологий, распространяющиеся далеко за пределы своего региона. Эти практики и идеологии со временем стали влиять на сецессионистские движения в других странах Европы. Например, до 2008 года, население Нагорного Карабаха, Южной Осетии, Абхазии и Приднестровья составляло около одного миллиона человек, а их правительства находились под международными санкциями и не получали признания со стороны других государств. Однако после Российско-грузинской войны 2008 года, Южная Осетия и Абхазия увеличили свои территории и население, также получили частичное признание со стороны России, Никарагуа и Сирии. В 2014 году волна ирредентистских и сецессионистских движений, направленных против Украины и поддерживаемых Россией, привели к созданию двух образований, «Донецкой народной республики» («ДНР») и «Луганской народной республики» («ЛНР»). Властные элиты «ДНР-ЛНР» использовали опыт организации сецессии, а также государственного и национального строительства у своих «старших товарищей», постсоветских непризнанных или частично признанных государств. Сегодня территорию постсоветских *de facto* государств населяет более четырех миллионов человек. Более того, горизонтальные связи между этими шестью образованиями растут и усиливаются: коммуникация идет на уровне «правительств», профсоюзов и местных общин, в то время как активисты западноевропейских сецессионистских движений участвуют в политических процессах и военных операциях на Донбассе.

Как объяснить превращение постсоветского сецессионизма из региональной проблемы в явление, имеющее растущее влияние на стабильность стран-членов ЕС?

До сих пор, исследования постсоветского и посткоммунистического сецессионизма проводились на макро- или микрополитическом уровнях. Ряд ученых рассматривали постсоветский сецессионизм как часть большего процесса транзита от статуса республики-члена Советского Союза к постсоветскому государству. Они считали, что малые национальные группы пытались выйти из родительских государств, используя противоречия между большими политическими игроками. Рассматривая сецессии в контексте образования национальных государств, В. Тишков, Н. Бугай, Р. Суни и Т. Мартин утверждали, что современные межэтнические конфликты и сецессионизм в постсоветском регионе связаны с советской национальной политикой (Tishkov 1997; Bougai 1996; Suny & Martin 2001).

С другой стороны, такие исследователи, как Т. Де Валь, Д. Афraidзе и Д. Сироки, К. Чобану, Х. Цюрхер, а также Дж. Хьюз и Г. Зассе больше внимания уделяли ошибкам элит новых независимых государств, ведущим к межэтническим столкновениям, сецессионизму и замороженным конфликтам (De Waal 2003; Aphraidze & Siroky 2011; Ciobanu 2008; Zürcher 2007; Hughes & Sasse 2011).

Еще одна группа ученых фокусировала внимание на внутренней динамике населения *de facto* государств, пытаясь понять, как человек, сообщество и экономика сумели выжить под давлением внешних санкций и внутренних автократических или военных (атаманских, *warlordist*) режимов. Так, В. Колоссов и Дж. О'Лафлин, П. Колсто и С. Фишер указывают, что восточноевропейские *de facto* государства эволюционировали в специфическую политическую реальность со своей политической культурой, моделью развития и нишей во всеевропейской политической среде (Kolossoff & O'Loughlin 2011; Kolstø 2006; Fischer 2016).

При этом из внимания исследователей было выпущен вопрос о том, какую роль играют постсоветские государства в сецессионистских движениях восточной и западной Европы. В результате, политическая наука до сих пор рассматривала постсоветский сецессионизм как исключительно восточноевропейский феномен. В силу этого, такие хорошо информированные исследователи, как Л. Хуге, А. Бурн, Д. Муро и М. Фласкамп недооценивали состояние и динамику связей сецессионистских движений во всей Европе, без деления на восток и запад (Hooghe 1995; Bourne 2014; Muro & Vlaskamp 2016).

Для того, чтобы закрыть этот пробел и предложить большую, более взвешенную картину сецессионистских движений в Европе, Институт европейских исследований при Европейском университете Виадрина во взаимодействии с Центром восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) организовали и провели международную конференцию в декабре 2018 года. Финансовую поддержку для проведения конференции предоставила Немецкая служба академических обменов (DAAD). Дебаты, начавшиеся на этой конференции, привели к публикации этого номера журнала «Идеология и политика».

Данный номер нацелен на то, чтобы концептуально и в сравнительной перспективе раскрыть особенности современных сецессионистских движений, претензий на государственность со стороны «верхов» или «низов» отдельных сообществ, политики непризнания и возможностей решения конфликтов в Европе. Таким образом в этом номере анализируются сложные отношения между родительскими, спонсорскими и непризнанными государствами Европы, а также те проблемы, которые переживают родительские государства в результате сецессий.

Наш номер открывает статья Бруно Коппьерса. Автор доказывает, что органы власти непризнанных государств и правительства родительских государств могут вступать в переговоры для установления перемирия или заключения торговых договоров. Такие переговоры не подразумевают признания государственности отколовшихся общин/территорий, а также не повышают статус непризнанных органов власти. Коппьерс указывает на то, что такие переговоры приводят к деэскалации конфликтов, но не влияют на политический статус сторон. Это значит, что политика непризнания предоставляет противоборствующим сторонам инструменты защиты их статусов и идентичностей, но при этом укрепляют международную безопасность. Для подтверждения своих тезисов, исследователь привлекает аргументы, связанные с кейсами Абхазии, Северного Кипра и Приднестровья.

Во второй статье, Михаил Минаков применяет мир-системный анализ для определения статусов постсоветских непризнанных государств. Автор доказывает, что эти политии составляют «экстремальную периферию» по отношению к «глобальному центру». За десятилетия, прошедшие со времени распада СССР, отколовшиеся территории/сообщества превратились в относительно стабильную сеть политических образований, противостоящих международному праву и мировому порядку. Такое противостояние привело к возникновению модели государственности, устойчивой к конфликтам и санкциям, и эта модель распространяется по Европе. Кроме того, Минаков показывает, что непризнанные образования «ДНР» и «ЛНР» возникли не только при политическом, военном и экономическом спонсорстве России, но и благодаря сотрудничеству с «правительствами» таких политий, как Приднестровье или Абхазия. Это приводит автора к заключению, что страны «экстремальной периферии» склонны к взаимной поддержке и к распространению по Европе, невзирая на международное право и порядок.

В следующей статье Сергей Толстов рассматривает то, как ассиметричный трансфер власти от центрального правительства региональным органам власти влияет на этнорегиональную политику внутри Европейского Союза. Для этого автор анализирует кейсы Шотландии и Каталонии. Толстов доказывает, что передача полномочий демократического самоуправления на региональный уровень прошла ассиметрично и недостаточно эффективно. В регионах с устойчивыми политическими традициями такие дисбалансы приводят к недовольству населения и, в дальнейшем, к усилению регионального самосознания и экономического неравенства. Все это ведет к политизации сепаратизма и противостоянию региональных властей и центральных правительств.

В статье Гвендолин Зассе и Элис Лэкнер проходит проверку известное утверждение Чарльза Тилли о том, что государственное строительство неразрывно связано с ведением войны. Авторки доказывают, что эта связь не обязательна. Используя данные собственных соцопросов, проведенных в 2017 и 2018 гг., Зассе и Лэкнер анализируют самосознание украинского общества во время войны на Донбассе. Авторки указывают на значительное изменение в этом самосознании: идентичность украинцев в значительной мере связана с гражданственным и политическим единством, что противоречит официальной идеологии, фокусирующейся на этнолингвистических аспектах в определении украинской нации и национального государства.

Елена Александрова и Роман Додонов анализируют то, как одно государство может сконструировать сецессию в другом, применяя для этого дискурсивные средства. Прежде всего, авторы анализируют кейс донбасского ирредентизма. Они показывают, как российское вмешательство в украинскую медиасферу сформировало дискурс, способствующий фрагментации общества и формированию самопровозглашенных политий. Кроме того, Александрова и Додонов сравнивают донбасский кейс с провалом подобной политики России в отношении Латгалии, латвийского региона с большой долей русскоязычного населения.

Статья Натальи Касьяненко посвящена анализу стратегий самопровозглашенных правительств «ДНР» и «ЛНР» по достижению внутренней легитимности. Авторка рассматривает то, как оба режима используют средства прямой демократии для своих целей в восточной Украине. Касьяненко показывает, что определенный уровень легитимности возможно достичь даже в отсутствие внешнего признания суверенитета. Она указывает, что оба самопровозглашенных правительства сумели добиться некоторой внутренней легитимности, предоставляя доступ к базовым общественным благам и услугам населению неподконтрольных территорий Украины.

В следующей статье Наталья Малиновская исследует то, как аннексия Крыма повлияла на статус крымских татар в украинском обществе. Авторка анализирует украинские подходы к деокупации Крыма и взаимодействию с крымскотатарской общиной в континентальной Украине. Малиновская рассматривает множество сложностей, возникших во взаимоотношениях между крымскотатарской общиной и правительством Украины. Среди препятствий для интеграции крымских татар в украинское общество исследовательница называет различия в коллективной памяти об определенных событиях и личностях, подозрительность в отношении к мусульманским организациям и изменение отношений между разными религиозными группами в Украине. Наталья Малиновская завершает статью рядом рекомендаций, которые бы могли помочь решить старые и новые проблемы интеграции крымских татар в украинское общество.

Виктор Козюк, Александр Длугопольский и Виталий Петрук анализируют экономический аспект сепаратизма. Авторы анализируют то, как два бельгийских региона, Фландрия и Валлония, по-разному отреагировали на потребности структурной адаптации к экономической глобализации. Авторы доказывают, что эти

различия повлияли на углубление разрыва между этими регионами и на увеличение рисков сепаратизма. Козюк, Длугопольский и Петрук также сравнивают фискальные политики Бельгии и Украины в контексте их влияния на увеличение или снижение рисков сепаратизма. Авторы доказывают, что невнимание к росту различий экономического развития регионов и к их возможности конкурировать создает предпосылки для развала национальной экономики и распада национального единства.

В заключительной статье нашего номера, Станислав Ковальский изучает эволюцию двойного ирредентизма на Кипре. Автор доказывает, что в основе сепаратистского движения Кипра лежал двойной (т.е. греческий и турецкий) ирредентизм. В статье показано, как попытки слияния греческой и турецкой общин с родительскими государствами привели к расколу и аннексии/сепаратизму. Кроме того, Ковальский указывает на то, что раскол Кипра произошел в сложнейших условиях Холодной войны. Эти условия ограничили возможности спонсорских государств (Греции и Турции) и привели к конфронтации этих государств, а также к конфликту между Грецией и греческими киприотами, а также Турцией и турецкими киприотами.

Мы надеемся, что этот номер, посвященный вызовам государственному строительству в Европе, привлечет внимание исследователей и продемонстрирует необходимость мыслить сегодняшнюю Европу как единый, не делящийся на западную и восточную части регион при изучении сепаратистских движений и межгосударственной экологии.

Библиография:

- Aphrasidze, D., & Siroky, D. (2011). Frozen Transitions and Unfrozen Conflicts, or What went Wrong in Georgia. *Yale Journal of International Affairs* 5: 120–129.
- Bougai, N. (1996). *The Deportation of Peoples in the Soviet Union*. NY: Nova Publishers.
- Bourne, A. K. (2014). Europeanization and secession: The cases of Catalonia and Scotland. *JEMIE* 13: 94–120.
- Brubaker, R. (2011). Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states. *Ethnic and Racial Studies* 34(11): 1785–1814.
- Ciobanu, C. (2008). *Frozen and Forgotten Conflicts in the Post-Soviet States: Genesis, Political Economy and Prospects for Solution*. Richmond: United States Institute of Peace.
- De Waal, Th. (2003). *Black garden: Armenia and Azerbaijan through peace and war*. NY: NY University Press.
- Fischer, S. (ed.). (2016). *Not Frozen! The Unresolved Conflicts over Transnistria, Abkhazia, South Ossetia and Nagorno-Karabakh in Light of the Crisis over Ukraine*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik.
- Hooghe, L. (1995). Subnational mobilisation in the European Union. *West European Politics* 18(3): 175–198.
- Hughes, J., Sasse, G. (2001). *Ethnicity and Territory in the Former Soviet Union: Regions in Conflict*. London: Frank Cass.
- Jessop, B. (2004). Multilevel governance and multilevel metagovernance. Changes in the EU as integral moments in the transformation and reorientation of contemporary statehood. *Multi-level governance* 2: 49–74.

- Kolossov, V., O'Loughlin, J. (2011). After the Wars in the South Caucasus State of Georgia: Economic Insecurities and Migration in the "De Facto" States of Abkhazia and South Ossetia. *Eurasian Geography and Economics* 52: 631–654.
- Kolstø, P. (2006). The sustainability and future of unrecognized quasi-states. *Journal of peace research* 43(6): 723–740.
- Minakov, M. (2016). Novorossiia and the Transnationalism of Unrecognized Post-Soviet Nations. In *Transnational Ukraine?: Networks and Ties that Influence (d) Contemporary Ukraine*, Beichelt, T., Worschech, S. (eds.). NY: Columbia University Press, 216–230.
- Molle, W. (2017). *The economics of European integration: theory, practice, policy*. London: Routledge.
- Muro, D. & Vlaskamp, M. (2016). How do prospects of EU membership influence support for secession? A survey experiment in Catalonia and Scotland. *West European Politics* 39(6): 1115–1138.
- New Eastern Europe. (2018). Para-States. Life Beyond Geopolitics. *New Eastern Europe* 3-4, <http://neweasterneurope.eu/2018/04/26/issue-3-4-2018-para-states-life-beyond-geopolitics/> (accessed 1 October 2019).
- Pelczynska-Nalecz, K., Strachota, K. & Falkowski, M. (2008). Para-States in the Post-Soviet Area from 1991 to 2007. *International Studies Review* 10: 370–387.
- Pollack, M.A. (2015). *Policy-making in the European Union*. Oxford: Oxford University Press.
- Stanislawski, B.H. (2008). Para-States, Quasi-States, and Black Spots: Perhaps Not States, But Not "Ungoverned Territories," Either. *International Studies Review* 10: 366–70.
- Suny R. G. & Martin T. (2001). *A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*. New York and Oxford: OUP.
- Tilly, Ch. (1990). *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990*. New York: Blackwell.
- Tishkov, V. (1997). *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame*. Oslo: Sage Publications.
- von Benda-Beckmann, F., von Benda-Beckmann, K. (2016). Rules of law and laws of ruling: law and governance between past and future. *Rules of Law and Laws of Ruling*. Routledge 1: 17–46.
- Willis, G. B. (2015). *Analysis of the cognitive interview in questionnaire design*. Oxford: Oxford University Press.
- Zürcher, Ch. (2007). *The post-Soviet wars: rebellion, ethnic conflict, and nationhood in the Caucasus*. NY: NY University Press.